

Становление гражданского общества на Западе: история и осмысление

А.А. Вершинин

Гражданское общество является центральной категорией современного обществоведения в России и на Западе. Политическая эволюция, экономическое развитие, культурная трансформация — все эти процессы принято увязывать с состоянием гражданского общества в той или иной стране. Гражданское общество стало своего рода первоосновой современной социальной жизни. Это понятие вошло и в политический дискурс: факт наличия или отсутствия гражданского общества рассматривается как показатель развитости или неразвитости социума. Составляются программы развития гражданского общества, учреждаются профильные институты, под это выделяются гранты.

Идея гражданского общества, на протяжении десятилетий находившаяся в сфере научных дискуссий и обсуждений, неожиданно обрела реальные формы после краха Советского Союза. Страны Восточной Европы восприняли ее в качестве эрзаца провалившейся концепции построения «реального социализма». Протестные движения в Польше и Чехословакии, закончившиеся «бархатными революциями», были объявлены непосредственными проявлениями коллективной воли гражданского общества, противостоящего подавляющей силе государства. Гражданская сфера представлялась как некий живительный источник всего самого лучшего, что должно быть воплощено в практике социально-политического и экономического развития: прав, свобод, равенства и т. п. В этом виде концепция гражданского общества пришла и в Россию, где, опять-таки на волне критики советского прошлого, стала модным трендом развития общественно-политической мысли.

Одновременно, о гражданском обществе вспомнили и на Западе. «Пыльный термин, — пишет британский социолог Э. Геллнер, — извлеченный из закров политической теории, из старых, невнятных, давно и справедливо забытых диспутов, вдруг возродился, зазвучал, наполнился новым смыслом, способным вызвать энтузиазм и стимулировать действие»¹. Валом пошли исследования гражданского общества в прошлом и настоящем. Как грибы после дождя начали возникать организации, относящие себя к гражданскому сектору. К концу 1990-х гг. возник даже причудливый конструкт «всемирного гражданского общества» — глобального поля для деятельности многочисленных некоммерческих организаций, от ассоциаций по защите прав женщин до Красного креста в глобальном масштабе. Гражданским обществом стали называть буквально все. Его проявления видели в любой ситуации, противопоставляющей власть

¹ Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 2004. С. 14.

и отдельные группы населения. Того защитников гражданского общества попеременно примеряли на себя интеллектуалы всех мастей и бизнесмены разного калибра. При этом первые отождествляли с гражданской сферой любую форму интеллектуальной деятельности, а вторые фактически ставили знак равенства между гражданским обществом и рынком. В результате научное содержание концепта гражданского общества было серьезно размыто, а сам термин — сильно выхолощен. Его активное использование в публичном дискурсе перевело проблему из научной сферы в общественно-политическую. В России все это совпало с ситуацией острой дискуссии по вопросу о путях дальнейшего развития общества и государства. В ее ходе идею гражданского общества «приватизировали» отдельные оппозиционные власти силы. Фактически она превратилась в политическое оружие.

В основе всей этой терминологической анархии лежит базовое противоречие, возникшее в период роста популярности концепта гражданского общества в 1980–1990-х гг. Тогда на волне неприятия общественных систем стран коммунистического блока, в которых центральную роль играло сильное государство, идеальное гражданское общество оказалось приравнено к типу общественных отношений, сложившихся на Западе. Логика выстривалась в русле сложившейся во второй половине XX в. ситуации, когда имелись два основных образца общественных институтов: раз советский тип общественных отношений с центральной ролью государства потерпел историческую неудачу, следует обратиться к единственной явной альтернативе — западному гражданскому обществу с его глубоко усвоенной идеей противостояния государства и общества. В результате оформилась важная коллизия. Под одним и тем же термином стали понимать и специфический тип общественной организации, характерный для Запада в последние несколько столетий, и саму модель обустройства общественной жизни, в рамках которой функционирует особая, автономная от государства гражданская сфера. Именно из этого терминологического наложения берет начало сегодняшний политический дискурс о гражданском обществе — о тех прогрессивных культурах, где оно якобы есть, и тех, менее развитых, где до него пока не доросли. За некий эталон всегда берется западная модель. Выходит, что гражданское общество — это некий высший уровень социального развития, достигнутый странами Запада, на который всем остальным надо равняться.

Общественный и научный дискурс о гражданском обществе вот уже несколько десятилетий находится в плену этого противоречия, которое, с одной стороны, не осознается, а с другой — заведомо замалчивается, т. к. оно фактически стало основой целой доктрины глобального движения в поддержку гражданской сферы. Вокруг гражданского общества за годы возникла организационная инфраструктура, которая устоялась и обзавелась своими интересантами. Разумеется, они меньше всего хотят пересмотра концепции. Между тем этот пересмотр неизбежен в том случае, если мы хотим говорить о гражданском обществе по сути, а не обсуждать его частные проявления, выдаваемые за идеал. Лучший способ понять, что же на самом деле скрывается под ярлыком «гражданское общество», это проследить эволюцию понятия на его родине — на Западе. Данной проблеме и посвящена предлагаемая статья.

Для начала вспомним, как появился сам термин «гражданское общество». Его латинский вариант (*societascivilis*) является калькой с греческого (*politikekoionia*)². У Аристотеля он являлся синонимом города-государства — полиса — и не содержал в себе никакого указания на разделение общества и государства. Древнегреческий полис был самоуправляющейся общиной, каждый член которой являлся одновременно и частным лицом, и общественным деятелем, и политиком, попеременно занимая ключевые управленческие должности. Греческое народное собрание — агора — было центром и политической, и общественной жизни. Но самое главное, греческий полис оставался неструктурированным образованием, в котором не проводилось разделения на частное и публичное: даже в своей личной жизни человек подчинялся строгим правилам общины, действовавшим во всех сферах. Французский античник Н.-Д. Фюстель де Куланж по этому поводу писал: «Построение [гражданской общины] было подобно церковной организации. Отсюда проистекала ее сила, отсюда проистекали также и ее всемогущество и неограниченное господство над своими членами... Гражданин был подчинен во всем и безо всякого исключения гражданской общине»³. Власть в античном полисе была растворена в общине, а отдельные понятия государства и общества как таковые отсутствовали. Дух полиса был вездесущ, каждый человек был частью полиса и в этом качестве являлся частью суперобщности — цивилизации, противостоящей тем, кто не являлся членом *societascivilis*, т. е. — варварам и чужестранцам.

Это содержание термина «гражданское общество» от греков переняли римляне, которые спроецировали полисную структуру на огромную территорию своей империи. В XIII–XIV вв. о нем вспомнили в Западной Европе. Вплоть до начала Нового времени в Европе в обиходе было словосочетание «*societascivilis siverespublica*», под которым подразумевалась фактически любая форма социально-политической организации — от феодального уклада до средневековых королевств. По точному выражению К. Маркса, «все существование сословий средних веков было политическим существованием»⁴. Городской цех, купеческая гильдия, крестьянская община-марка являлись особыми замкнутыми самоуправляющимися мирами, соединявшими в себе политическое и социальное.

Социально-политическая природа традиционной общины как формы общежития хорошо описана Аристотелем на примере греческого полиса. Полис, по Аристотелю, — творение природы, такая же ее часть как реки и горы. Община-полис является естественной формой общежития человека, который по рождению есть «политическое животное». Жизнь общины вращается вокруг иерархии естественных благ, высшим из которых является достижение счастья сообщества⁵. Эта система представляется гармоничной, вечной и неразрывной, что дает высшую легитимацию порождаемым ею властным отношениям. Власть в общине легитимна потому, что она естественна и опирается на многовековую традицию.

² Козн Дж.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 132.

³ Фюстель де Куланж Н.-Д. Гражданская община древнего мира. СПб., 1906. С. 248–249.

⁴ Маркс К. К критике гегелевской философии права // http://www.marxists.org/russkij/marx/1844/philosophy_right/01.htm

⁵ Аристотель. Политика. Книга первая // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/aristot/01.php

Вторым источником легитимности власти в традиционном обществе Запада была церковь. Если городские и сельские общины и города-государства существуют в силу традиции и естественного порядка, то церковь и институт королевской власти созданы волей свыше.

Такая структура исключала саму возможность формирования представления о самостоятельном бытии общества, взятого отдельно от власти. Эти два начала были слиты воедино. Человек до модерна был единым целым со своей общественной средой, которая, в свою очередь, являлась не только социальным, но и политическим телом. Разрушение этой реальности и выделение гражданского общества как самостоятельной сферы произошло в результате фундаментального культурного переворота, пережитого Западом в Новое время. Два мощных потрясения вызвали к жизни идею автономного гражданского общества. С одной стороны, шок Реформации разрушил представление о соборности и сакральности мира. Лютер и Кальвин вывели на сцену истории одинокого обреченного грешника, ничтожного в противостоянии с божеством⁶. Реформация лишила мир божественной санкции. С другой стороны, научная революция сломала аристотелевское видение общества как части природы, укорененной в самом естестве мира. Восторжествовавший механицизм, слившийся во времени с Реформацией, выдвинул на передний план фигуру индивида, неделимого человеческого атома — аналог одинокого грешника у Лютера и Кальвина.

В результате этих перемен разрушилась сама ткань традиционного общества. Исчез общественный организм, объединявший в себе социальное и политическое. Традиционная община распалась, а на ее месте возникло море индивидов. «Индивидуалистическая революция» Нового времени произвела подлинный переворот в представлениях о социально-политической реальности. Реформация и научная революция лишили западное общество традиционных источников властной легитимности. Власть была больше «не от Бога» и не опиралась на идею естественного порядка вещей. Распавшаяся община и дискредитированная церковь больше не транслировали власть и не легитимировали политические институты. Власть отделилась от своих носителей и стала чем-то вроде свободного капитала, за который разгорелась ожесточенная борьба. XVI–XVIII вв. на Западе — время небывалых социально-политических катаклизмов. Восстания, революции, религиозные войны разгорались в условиях отсутствия общепризнанного центра перераспределения власти.

В середине XVII в. осмыслить ситуацию попытался англичанин Т. Гоббс⁷. Он являлся свидетелем Английской революции XVII в., которая впервые поставила вопрос о власти в новом свете. Кто имеет право властвовать в условиях, когда власть больше не принадлежит ни общине античного или средневекового типа, ни институту церкви? Какая сила способна положить конец ожесточенной борьбе за власть, превратившейся в «войну всех против всех»? Для восстановления цельности общественного организма и легитимации власти на новой основе Гоббсу потребовался принципиально иной институт, который бы смог

⁶ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // http://krotov.info/library/03_v/eb/er_04.html

⁷ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // <http://lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt>

объединить миллионы разделенных индивидов и стать основой для государственности нового типа. Таким институтом английский философ назвал гражданское общество — объединение индивидов, соединенных вместе страхом смерти.

Эта идея была разрывом со всей предыдущей философской и политической традицией. Со времен Аристотеля и отцов церкви фундаментом общественного тела считалась идея блага — счастья, справедливости или спасения. Гоббс впервые проектирует общественную структуру по принципу «от противного» с опорой на новое представление о человеке, созданное наукой и философией Нового времени, — человек человеку враг. Негативную энергетику, которую порождает эта реальность, Гоббс аккумулирует для сплочения новой общности — гражданского общества. Составляющие гражданское общество индивиды настолько слабы и разобщены, что имеют лишь один способ побороть страх смерти — передать власть в руки политического суперинститута, который станет ее абсолютным вместилищем и в этом качестве прекратит «войну всех против всех». Философ назвал его «Левиафаном». Это был прообраз современного государства, учреждаемого гражданским обществом с целью защиты мира и порядка. Так, в концепции Гоббса сложная социальная реальность традиционного общества впервые обрела двухполюсную структуру. На одном полюсе — абсолютная концентрация власти. На другом — море индивидов, которые лишились в пользу «Левиафана» практически всей власти, делегировав ее государству с целью прекращения «войны всех против всех».

Гоббс с полным основанием может считаться «отцом» идеи гражданского общества в ее сегодняшнем виде. Однако гражданское общество Гоббса — это скорее абстракция. Взятая им мысль о том, что современные индивиды сплываются вместе прежде всего страхом смерти, не позволяла представить гражданское общество как социальную реальность. Концепцию Гоббса с этой точки зрения доработал другой англичанин — Дж. Локк⁸. Локк делает важное дополнение к схеме Гоббса: первейшей угрозой индивиду является не другой индивид, потенциально несущий ему смерть, а опасность вполне естественной гибели от голода. Следовательно, его важнейшая задача — прокорм самого себя, а ключевой способ выживания — превращение окружающего мира в источник средств к пропитанию и его трансформация в частную собственность.

В традиционном обществе понятие частной собственности было размытым. Человек являлся частью естественной среды и имел на нее право лишь как член корпорации. Крестьянин, к примеру, владел землей как член общины, феодал — как ленник короля, монастырь — как часть церковной корпорации. Культурный переворот XVI–XVII вв. создает представление об индивиде, который впервые получает право распоряжаться самим собой и плодами труда своих рук. Частная собственность становится в полном смысле слова частной. Она такая же часть индивида, как и его тело, она — это то, что не дает ему умереть с голоду. Гоббс считает, что смысл объединения гражданского общества заключается в физической защите индивидов. Локк поправляет: в физической защите индивидов через защиту их собственности. «Главная и основная цель, ради которой люди

⁸ Локк Дж. Два трактата о правлении // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hrestom/11.php

объединяются в республики и подчиняются правительствам, — сохранение их собственности», — отмечает Локк. Собственность становится абсолютным мериллом социальной полноценности индивида, критерием его принадлежности к гражданскому обществу, а также смыслом существования государства и его аппарата.

Гоббс и Локк описали схему пересборки западного общества после культурного переворота Нового времени. Вместо мира политически самостоятельных общин и корпораций, обладавших естественной и сакральной легитимностью, возникает ассоциация индивидов, объединенных страхом за свою жизнь и собственность, который дает ей неоспоримое право на существование. Возникшее таким образом гражданское общество становится альфой и омегой общественного развития, носителем политического суверенитета, который делегируется государству с целью установления порядка и мира. Оно вырабатывает свою идеологию — либерализм. Эта идеология возникает и развивается в рамках треугольника «государство – гражданское общество – собственность». Индивид может распоряжаться собственностью на свое тело и продукты своего труда постольку, поскольку не затрагивает при этом прав других индивидов при бдительном надзоре государства, главная функция которого состоит в охране собственности. «Приобретение крупной и обширной собственности, — писал еще один британец Адам Смит, — возможно лишь при установлении гражданского правительства. В той мере, в какой оно устанавливается для защиты собственности, оно становится в действительности защитой богатых против бедных, защитой тех, кто владеет собственностью, против тех, кто никакой собственности не имеет»⁹. Отношения собственности внутри гражданского общества превращались в суть социального развития, а его основным действующим лицом становился собственник-буржуа. Здесь Локк совершает терминологическую подмену, которая будет иметь коренное значение. Античное *societas civilis* применяется у него к совершенно иной реальности, чем та, которая соответствовала ему в Древней Греции. У греков оно обозначало союз цивилизованных граждан, противостоящий варварам. Локк же использует его для характеристики сообщества собственников, противостоящего тем, у кого собственности нет.

Таким образом, в основе социальной жизни естественное состояние индивида — его страх перед смертью, спастись от которой можно, лишь обеспечив себя средствами выживания и защиты — частной собственностью. Частная собственность является матрицей для сборки гражданского общества. Наконец, гражданское общество учреждает государство, первая цель которого — сохранение собственности. Так, власть впервые отделяется от общества и концентрируется в одном суперинституте — ситуация, невообразимая в домодерне. В рамках этой схемы государство и гражданское общество должны быть партнерами, однако сам факт их разведения превращает их в конкурентов.

Гражданское общество Гоббса и Локка являлось однородным и правильно организованным лишь на бумаге. В реальности его ткань постоянно наруша-

⁹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/smit/smit_1.pdf

лась ожесточенной борьбой между владельцами собственности и теми, кто был ее лишен. Идея того, что носителем суверенитета является гражданское общество, также вошла в конфликт с действительностью. Государство, которое по мысли теоретиков должно было взять на себя роль просто исполнительного органа гражданского общества, всегда имеет собственную самостоятельную от него субъектность. Свое право властвовать оно не только получает от носителя суверенитета, но и формирует самостоятельно в силу того, что по факту является властью. Государство создает для себя собственный ресурс легитимности, в основе которого лежит рациональное представление о пользе, получаемой индивидом от эффективной власти. М. Вебер охарактеризовал его как «господство в силу “легальности”, в силу веры в обязательность легального установления»¹⁰. К государству как к арбитру могут обращаться те, кто оказался исключенным из рядов гражданского общества. С опорой на них государство становится не просто исполнительным комитетом гражданского общества, а независимым от него институтом.

В результате гражданское общество не только консолидирует определенную часть социальной стихии, но и порождает постоянные общественно-политические конфликты. «Гражданские войны и революции присущи либерализму так же, как наемный труд и зарплата — собственности и капиталу», — отмечают французские авторы фундаментальной «Истории идеологий»¹¹. Общество собственников нельзя было, во-первых, совместить с существованием огромной массы обездоленных и, во-вторых, определить его отношения с государством. Первым из мыслителей на внутренние противоречия гражданского общества обратил внимание Ж.-Ж. Руссо¹². Он указал на его два «родовых порока». Во-первых, индивид, атом человеческой вселенной, стремится к собственности и богатству не просто потому, что они спасают его от голода. Современный индивид — это расщепленная личность, потерявшая систему координат, с помощью которой человек соотносит себя с другими людьми и определяет свое место в обществе. Он вынужден постоянно сравнивать себя с окружающими, чтобы самоутвердиться. Богатство для него — это высший уровень самоутверждения. Значит, никакого единообразия членов гражданского общества нет, и «война всех против всех» не имеет конца. Во-вторых, отмечает Руссо, в основе современного режима частной собственности лежит не право человека пользоваться плодами своего труда, а грубая сила — способность более сильного отобрать ее у более слабого. Получается, что собственность — это не только объединяющий фактор для гражданского общества, но и разделяющий. Гражданское общество, по Локку, воспроизводит социальный тип буржуа, но не производит гражданина.

Руссо наглядно показывает, насколько хрупка конструкция гражданского общества. Как можно нивелировать его внутреннюю неоднородность? Французский философ дает однозначный ответ: необходимо так трансформировать гражданское общество, чтобы сформировать на его основе образ, с которым

¹⁰ Вебер М. Политика как призвание и профессия // http://www.nir.ru/socio/articles/weber_politika.htm

¹¹ Châtelet F. (ed). Histoire des idéologies. Т.3. Paris, 1978. P. 151.

¹² Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического Права // <http://lib.ru/FILOSOF/RUSSO/prawo.txt>

каждый индивид сможет себя ассоциировать. Необходимо некое коллективное «я» — эрзац традиционной корпорации, адаптированной к реалиям современности. Руссо находит его в виде нации. Нация настолько универсальна, что включает в себе весь социальный мир — от индивида до государства. Нация — это живое гражданское общество, консолидированное в своей основе, которое трудится, управляет и воюет. Нация монолитна: она объединяет непосредственно индивидов и не приемлет никаких иных форм социальной организации, кроме самой себя. Основа ее бытия — коллективная воля граждан, всех тех, кто входит в нацию независимости от наличия или отсутствия собственности. Коллективная воля, по мысли Руссо, не должна совпадать с частными волями кого бы то ни было. Она является всеобщей и в то же время ничьей.

Проект Руссо был наиболее амбициозной попыткой разрубить гордиев узел противоречий гражданского общества. В рамках нации нет ни бедных, ни богатых — все объединены коллективной волей. Однако конкретная попытка сформировать нацию как высшую форму гражданского общества, предпринятая в годы Французской революции, показала все минусы идеи Руссо. Философ предполагал: чтобы быть коллективной, воля нации должна отличаться от любой частной воли, а лучше — противоречить ей. Якобинцы в 1794 г. реализовали эту идею в виде большого террора. Тезис Руссо об универсальности коллективной воли на практике вылился в невиданную до сих пор централизацию общественной жизни: индивидуальная воля была изгнана из экономической сферы и частной жизни. Экспроприации во благо нации, регламентирование поведения людей и даже их языка оправдывались коллективной волей гражданского общества. Группа людей, монополизировавших право говорить от имени нации, установила жесткую диктатуру. Руссо не зря видел свой общественный идеал в античном полисе. Его проект предполагал воссоздание социальной структуры полиса в рамках современного общества, реанимацию *societascivilis* в его исходном, долокковском значении. Воплощение этой идеи в жизни показало все ее неприемлемые издержки.

Шок Французской революции заставил снова переосмыслить идею гражданского общества. В абсолютизированной форме гражданское общество превращается в свою противоположность — авторитарную диктатуру. Без признания примата частной собственности и индивидуальной воли оно из формы сборки социума превращается в инструмент контроля над ним, — такой вывод из революционных событий сделал французский философ Б. Констан¹³. Но есть ли выход из этой ситуации? Вернуть буржуа его статус опоры гражданского общества и вновь освятить неравенство? Но это будет явный анахронизм: революция показала, насколько уязвимо гражданское общество буржуа. Констан доказывал, что только выделение в область исключительной компетенции гражданского общества частной жизни и экономической сферы может обезопасить социум от будущих катаклизмов. Его соотечественник Ф. Гизо предложил другой способ реорганизации общественной жизни: идее суверенитета гражданского обще-

¹³ *Manent P. Histoire intellectuelle de liberalisme. Paris, 1987. P. 188.*

ства необходим противовес в виде обладающего самостоятельным суверенитетом государства, которое сможет держать в узде социальную стихию¹⁴.

Однако все эти соображения не ухватывали корня противоречий, главное из которых заключалось в том факте, который впервые обозначил Руссо: вырванный из социального космоса традиционного общества индивид дезориентирован и внутренне расколот, поэтому сформированное из миллионов индивидов гражданское общество имманентно нестабильно. В естественном состоянии индивиды равны — человеческие атомы должны быть идентичны друг другу. Однако их свобода распоряжаться собой и своей собственностью неизбежно подрывает это равенство. Возможно, следует ограничить эту свободу? Опыт Руссо и якобинцев продемонстрировал, что это путь в никуда. Может быть, выход в допущении имущественного неравенства, как предлагал Констан? Общественные движения первой половины XIX в. показывали, что сам по себе такой шаг только подольет масла в огонь социальной борьбы между имущими и неимущими. Сделать государство верховным арбитром, как советовал Гизо? Но кто может гарантировать, что оно не начнет собственную игру против гражданского общества? Словом, локковская конструкция гражданского общества в сложных условиях набиравшего темпы модерна обросла огромным количеством противоречий. Ключевое значение для их осмысления и последующего преодоления имели идеи еще одного француза — А. Токвиля.

Токвиль исходит из тезиса о хронической «родовой травме» гражданского общества, которую впервые заметил Руссо: в современном обществе индивид дезориентирован и вынужден постоянно сравнивать себя с другими. При этом идея равенства индивидов, на которой базируется гражданское общество, задает коридор этого сравнения. «Напрасно, — пишет Токвиль, — богатство и бедность, власть и покорность устанавливают иной раз большую дистанцию между двумя людьми, общественное мнение, основывающееся на нормальном порядке вещей, сводит их к общему уровню, порождая между ними определенное воображаемое равенство, несмотря на реальное неравенство их общественного положения»¹⁵. Равные индивиды внутри гражданского общества находятся в постоянной борьбе за воображаемое равенство. В современных условиях это приводит либо к установлению диктатуры государства, которое задает общепризнанный порог равенства (случай Франции), либо возникает другая форма диктатуры — диктатура общественного мнения, которое задает критерий равенства (случай США). И то, и другое фактически разрушает гражданское общество, делает его заложником внешних по отношению к нему сил. Выход из тупика Токвиль видит один — превращение гражданского общества в сложную систему, где равенство и свобода будут находиться в постоянном балансе. Гражданская сфера, по Токвилю, — это структура, которая связывает индивидов воедино, а не разделяет их, как частная собственность. Гражданская сфера по Токвилю представляет собой совокупность социальных форм, в рамках которых индивиды могут реализовывать свою свободу без ущерба для равенства с окружающими. Под таковыми он понимает фактически любые негосударс-

¹⁴ Ibid. P. 215.

¹⁵ Токвиль А. Демократия в Америке // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/tokv/05.php

твенные формы самоорганизации — от религиозных общин до политических партий. Они являются промежуточным этажом между морем индивидов и государством.

Именно в схеме Токвиля идея гражданского общества получает знакомый современному обществоведы вид. Она стала одновременно и отражением глубокого социального размежевания, вылившегося в ряд трагических социально-политических катаклизмов, и попыткой навсегда их преодолеть. Система баланса общественных и политических институтов, строго дозирующих предоставляемую индивидам свободу действий в условиях формального равенства всех граждан, была призвана защитить Запад от новых революций и восстаний. Она дала серьезный сбой в начале XX в., который привел западное гражданское общество к острому кризису, спровоцировавшему взлет фашизма. Гражданское общество пересобрали после Второй мировой войны на основе все той же токвилевской матрицы, дополненной идеей рыночной экономики как своего рода оазиса гражданского общества. Сегодня оно переживает очередной кризис: промежуточный этаж гражданских организаций, считающихся ядром гражданской сферы, стремительно разрушается¹⁶. Удастся ли Западу пересобрать себя в очередной раз? Ответ на этот вопрос даст ближайшее будущее.

¹⁶ *Burnell P., Calvert P. Civil Society in Democratization. London, 2004.*